Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 113–122
Lomonosov Philology Journal, 2026, no. 5, pp. 113–122

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 200-летию М.Е. Салтыкова-Щедрина

СЮЖЕТ ПРЕВРАЩЕНИЯ В «СОВРЕМЕННОЙ ИДИЛЛИИ» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В.Ш. Кривонос

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия; vkrivonos@gmail.com

Аннотация: Рассматривается принципиально значимый для понимания поэтики и проблематики «Современной идиллии» сюжет превращения, которое претерпевают герои романа. Автор статьи стремится осмыслить реализацию сатириком художественной трактовки взаимодействия персонажей с социальной средой в условиях нарастания политической реакции в конце 1870-х — начале 1880-х годов. Показано, как изображение сюжетных событий, отразивших ход превращения, позволило Салтыкову подвергнуть скрупулезному сатирическому анализу самосознание героев, вовлеченных в захватившие общество процессы. Для щедринских героев, остро ощутивших ненадежность своего персонального существования, роль развращающего их «эксперимента» выполняет практика двойной жизни. Они стремятся, что проявляется в сюжете превращения, занять позицию жертвы сложившегося без их участия порядка вещей, ограничившего свободу выбора, и найти оправдание своим поступкам, если возникают тревожащие их вопросы о цели и смысле подобного существования. Пренебрежительное отношение к морали побуждает вырабатывать приемлемые для них тактики приспособления к меняющимся обстоятельствам. Проделанная героями эволюция заключается в соответствующей логике превращения пассивных конформистов, каковыми они хотели бы оставаться, в конформистов активных, готовых к деятельному соучастию в предлагаемых акциях. Вынужденная адаптация к окружающей реальности, когда нормализация подлости как способа существования принимается за должное, порождает экзистенциальные ситуации, отмеченные кризисом идентичности, который герои пытаются преодолеть посредством критического самоанализа. Изучение значимых особенностей развития сюжета превращения позволяет раскрыть его событийную логику и объяснить причины его незавершенности.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин; «Современная идиллия»; сюжет превращения; самосознание героя; формы авторской оценки

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-05-9

© Кривонос В.Ш., 2026

***Для цитирования**: Кривонос В.Ш.* Сюжет превращения в «Современной идиллии» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 113–122.

THE PLOT OF TRANSFORMATION IN M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S "MODERN IDYLL"

Vladislav Sh. Krivonos

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia; vkrivonos@gmail.com

Abstract: This article examines the transformation of the novel's central characters, a crucial element in understanding the poetics and themes of "Modern Idyll." The author seeks to understand the satirist's artistic interpretation of the characters' interactions with their social environment amid the growing political reaction of the late 1870s and early 1880s. As demonstrated in the article, the depiction of the events that reflect the course of this transformation allowed Saltykov to subject the self-awareness of the characters caught up in the processes that engulfed society to a meticulous satirical analysis. For Shchedrin's characters, acutely aware of the precariousness of their personal existence, the practice of a double life serves as a corrupting "experiment." As revealed in the transformation, they strive to assume the position of victims of an order of things that has arisen without their participation, limiting their freedom of choice, and to find justification for their actions when troubling questions arise about the purpose and meaning of such an existence. A disdainful attitude toward moral norms prompts the development of acceptable tactics for adapting to changing circumstances. The evolution of the characters is characterized by a corresponding logic of transformation from passive conformists, whom they would like to remain while displaying a veneer of good intentions, into active conformists, ready to actively participate in proposed actions. Forced adaptation to the surrounding reality, when the normalization of baseness as a way of existence is taken for granted, gives rise to existential situations marked by an identity crisis, which the characters attempt to overcome through critical self-analysis. Examining the significant features of the development of the transformation plot allows us to uncover its eventual logic and explain the reasons for its incompleteness.

***Keywords**:* Saltykov-Shchedrin; "Modern Idyll"; transformation plot; hero's self-awareness; forms of author's assessment

For citation: Krivonos V. Sh. (2026) The Plot of Transformation in M.E. Saltykov-Shedrin's "Modern Idyll". *Lomonosov Philology Journal,* no. 5, pp. 113–122.

Сюжет превращения, которое претерпевают герои «Современной идиллии», Рассказчик и Глумов, стремящиеся сохранить и упрочить ценой нравственных компромиссов свое житейское благополучие, реализует трактовку Салтыковым их взаимодействия с социальной

средой в условиях нарастающей политической реакции[1]. Последовательное изложение сюжетных событий, отразивших ход превращения, позволило подвергнуть скрупулезному сатирическому анализу самосознание героев, которые вовлечены в захватившие общество процессы, резко повысившие «градус благонамеренности» [Салтыков-Щедрин 1973: 24][2], и опасаются последствий «превратных толкований» (14) для своего персонального существования, обнажившуюся ненадежность которого они остро ощущают. Тем более что им с разных сторон настоятельно советуют *погодить*, «потому что всем такая линия вышла» (12).

Речь идет о самосознании «“среднего” человека» (тип которого, характерный для изображаемой современности, воплощают в себе Рассказчик и Глумов[3]), взятого в «тиски» расплодившейся «ябедой» и именно на нем сосредоточившей «силу своих развращающих экспериментов» (189). Для щедринских героев, лояльных петербургских обывателей, не чуждающихся, впрочем, дозволенного «молодым светским шалопаям» фрондерства, особенно в виде «фривольных разговоров» (31), таким экспериментом становится практика двойной жизни[4], предполагающая готовность смириться с требованиями «настоящего времени» (24) и принять их не просто как неизбежную данность, но как открывшуюся возможность перехода «из области благонамеренности выжидающей» в «область благонамеренности воинствующей» (31).

Отсюда кажущееся им вынужденным стремление занять удобную для себя позицию всего лишь *жертвы* сложившегося без их участия порядка вещей, изначально ограничившего свободу выбора, что позволяет всякий раз находить оправдание своим поступкам, если вдруг возникают не перестающие все же тревожить вопросы о цели и смысле существования, соответствующего «внутренней политике» (35). Задаваясь ими, Рассказчик потому так и горячится в «эстетическом споре» (103) с Глумовым и Очищенным, напоминая им о «легионах людей, которые всю жизнь ходят “промежду трагедиев” — и даже не понимают этого» (104). Хотя самого себя к легионам

[1] См. подр. о нарастании политической реакции как существенной приметы повседневной жизни конца 1870-х — начала 1880-х годов: [Зайончковский 1964: 58–147].

[2] Ниже ссылки на это издание даются в тексте, страницы указываются в круглых скобках.

[3] «“Средний человек” — одна из наиболее основных типологических категорий салтыковской сатиры, наиболее точное определение ее объекта в 80-е годы» [Жук 1973: 307].

[4] Отражением подобной практики оказываются, например, настойчивые попытки героев «Современной идиллии» скрыть свое «лицо» за разного рода «масками», рассмотренные нами в специальной статье: [Кривонос 1983: 97–111].

этим он как будто и не относит, но мысль о всеобщей «привычке к трагедиям» (104) покоя ему все же не дает[5].

Травматический опыт столкновения с окружающей реальностью в виде Ивана Тимофеевича, «влиятельного в квартале лица» (25), олицетворяющего «ужасное квартальное всеведение» (36), неожиданный визит которого несет в себе потенциальную угрозу потери социального статуса, если Иван Тимофеевич вдруг начнет разбирать прошлое героев, где можно было найти «все, что подрывает, потрясает, разрушает» (32), вызывает у героев ощущение, что альтернативы происходящему с ними нет. Подобное ощущение не просто стимулирует формирующиеся у них виктимные наклонности, но, обрекая на пренебрежительное отношение к нормам морали, понуждает вырабатывать приемлемые тактики приспособления к сильно изменившимся обстоятельствам. Если «по первоначальному плану», как признается Рассказчик, «состояние “благонамеренности” было предположено» для них «только временно, покуда предстояла надобность “годить”», то, как вскоре обнаружилось, они «уже не “годили”, а просто-напросто “превратились”, причем до «такой степени “превратились”, что думали только о том, на каком» же «счету» состоят «в квартале» (25).

Проделанная героями эволюция заключалась в трансформации пассивных конформистов, каковыми хотели бы оставаться Рассказчик и Глумов, демонстрирующие показную благонамеренность стремлением вращаться «исключительно в сфере съестных припасов» (27), в конформистов активных, призванных «подавать пример другим» (31). Одного лишь примирения с пугающей их действительностью, как быстро выяснилось, было недостаточно, требовалось деятельное соучастие, даже если оно и выражается в таком смутившем Рассказчика доказательстве его «благонадежности» в целях «самосохранения» (37), как согласие откликнуться на просьбу Ивана Тимофеевича и вступить за вознаграждение в фиктивный брак с Фаинушкой, содержанкой богатого купца Парамонова.

Невозможность противодействовать «начальству», не удовлетворенному пределами достигнутой героем «благонамеренности» и посылающему ему «дальнейшие испытания», и расположенность, пусть поначалу и имитационная, сотрудничать с «властями» (42) оказались чреваты не только окончательным исчезновением каких-либо нравственных ориентиров, но и абсолютной утратой личностного начала. Желание уклониться от сделанного герою предложения

[5] Ср.: «Салтыков не обременяет своих героев обсуждением вопросов о добре и зле, но решением именно этих вопросов определяет наполнение их жизни, ее основное содержание» [Строганова 2015: 21].

и «жажда выказать благонамеренность» мешает его чувствам «перейти в негодование», подчиняя их «инстинктам самосохранения»; следование же обозначенным инстинктам, когда «в висках стучит» (41), обостряет внутренний конфликт, так как развитие ситуации грозит обернуться катастрофой для самосознания героя, разрушив остатки самоуважения. Однако неожиданно удавшаяся попытка и «благонамеренность» сохранить, и ожидаемого от него согласия не изъявлять смягчает угнетающее героя «ужасно сложное чувство»; спасение он обретает в выручивших его «галлюцинациях, обещающих сверхъестественное и чудесное избавление» (42). В роли сверхъестественного «избавителя» выступает сначала адвокат Балалайкин, готовый исполнять «всякие поручения» (43), но оказавшийся женатым; в конце концов «на содержание к содержанке» поступает Глумов, украсив тем самым «свой обывательский формуляр» (136).

Принятая Рассказчиком и Глумовым стратегия выживания, мотивированная страхом перед разлитой кругом «опасностью», заставляя «окончательно позабыть», что им «предстояло только "годить"», побуждает их искренне «производить все те акты, с которыми сопрягается безопасное плаванье по житейскому морю» (50). Так проявляется в романе логика сюжета превращения: героям приходится выбирать, согласно формулировке Рассказчика, не желающего обманывать себя, между «полезными подлостями» и «подлостями глупыми и ненужными» (135). Подобного рода адаптация к окружающей реальности, когда нормализация подлости как способа существования принимается за должное, порождает экзистенциальные ситуации, отмеченные переживаемым героем, не уверенным, что сумеет устоять перед требованием предъявить «образ мыслей» (140), кризисом идентичности, который он пытается преодолеть посредством критического самоанализа.

Важно отметить, имея в виду специфику этого самоанализа, что дело идет об изображенной речи, стилистически оформленной автором, полностью охватывающим своей оценкой самосознание героя, честно признающего утрату «дорогих убеждений» (25) и допускающего горькую для него мысль, высказанную Глумовым, что Иван Тимофеевич их «в полицейские дипломаты прочит» (37). Отражаясь прямо или косвенно в речи и в мыслях Рассказчика, авторская оценка его поведения принимает форму самооценки; так происходит, например, со словом «превратились», в котором слышится наряду с голосом героя, использующим это слово для негативной самохарактеристики, и голос автора. И суть здесь не в психологизации щедринской сатиры, степень которой, забывая

о нормативности сатирического психологизма, порой неоправданно преувеличивают[6].

Герой действительно не питает каких-либо спасительных иллюзий относительно мотивов собственного поведения, почему и вступает время от времени в конфликт с самим собой, однако готовность «плыть по течению», подтверждаемая привычкой затягивать всякий раз «словесную канитель» (9), побуждает его обычно подобной *канителью* довольствоваться. Реагируя на поступок Глумова, оставившего «друга» ради прелестей Фаинушки, Рассказчик сетует, что теперь он «один должен идти по стезе, кишащей гадюками» (135), что ему предстоит в одиночестве проделать «весь процесс мучительного оподления» (136). Избегая привычных эвфемизмов и называя вещи своими настоящими именами, ранее для него, с учетом обстоятельств, табуированными, он и здесь остается в границах *словесной канители*, не умея и не желая противостоять собственному превращению.

Нелицеприятные самооценки в рассуждениях и утверждениях Рассказчика никак не влияют на его поведение и не организуют его самосознание. Куда важнее для него, например, оценки Ивана Тимофеевича, которым необходимо соответствовать, сигнализируя своими поступками об искреннем желании играть навязанную ему роль, только чтоб не попасть в разряд неблагонамеренных, особенно в условиях, когда никто вокруг «не гнушается низостью» [Строганова 2017: 27]. Правда, необходимость постоянно демонстрировать искомую благонамеренность, подтверждая мнение того же Ивана Тимофеевича, что они с Глумовым раньше «были заблудшие, а теперь полезными гражданами сделались» (122), все же угнетает порой Рассказчика, как будто стесняющегося приобретенной им «в стеснительных обстоятельствах» (137) способности к мимикрии и даже презирающего себя за неизменную готовность соблюдать маскировку. В такие моменты изображение героя, обнаруживая несомненное авторское сочувствие к его моральным терзаниям, видимо отклоняется от свойственной сатире оценочной односторонности[7].

Между тем Рассказчика, добровольно вступившего «на путь благонамеренности» (143), не оставляют своим вниманием особого рода доброхоты, убеждая его заняться «научными наблюдениями по части основ и краеугольных камней» (145) и собирать сведения о «современном состоянии умов» (146). Чтобы уклониться от со-

[6] Когда говорят, например, о «гиперболизированном психологизме» в «Современной идиллии», с помощью которого «высвечиваются темные глубины порочного сознания» [Ауэр 2008: 116].

[7] Как верно было замечено, вообще подход Салтыкова к изображенному человеку не сводится «к сатирическому разоблачительству» [Дмитренко 1998: 70].

бирания «статистики» и не оказаться из-за этого «в списке неблагонамеренных» (149), Рассказчик соглашается с решением Глумова, что «бежать надо» (149), но «для предосторожности» вести «в пути» в качестве «оправдательного документа», если потребуется предъявить, журнал всем «действиям, разговорам и помышлениям» (156). В дороге им является в качестве знаменательного видения шмыгнувшее мимо них и сразу растаявшее в воздухе «гороховое пальто», служащее знаком тайно ведущейся за ними слежки, но «пальто» это, как уверяет Глумов, «не настоящее», только «спектр его», в действительности «внутри оно у нас… в сердцах наших…» (176). Когда же оно, как им почудилось, внезапно материализовалось, то герои вновь устремились в бегство, совершенно не сознавая, что «от спектров», их окружающих и преследующих, «спрятаться некуда» (181).

Развитие сюжета превращения обнаруживает, что такое превращение, характеризуя моральную деградацию героев, захватывает буквально все стороны показанной сатириком современной жизни, отнюдь не похожей на идиллию, если вспомнить ироническое название романа, где «идиллический хронотоп взорван» [Садовская 2003: 9], а традиционные для идиллии темы, образы и мотивы травестируются и переосмысляются. Безмятежное существование, которое сулит демонстрируемая благонамеренность, наполнено на самом деле разнообразными страхами; простые и естественные чувства сменяются шкурными интересами. Любовная история оборачивается подсудным двоеженством, а старый «друг» оказывается обыкновенным «прохвостом» (136). И если городская жизнь соблазняет и развращает, то деревня, где с удовольствием гонят и ловят «сицилистов» и «изменников» (209), вовсе не выглядит счастливой Аркадией.

Хотя цинизм и становится для Рассказчика нормой поведения, но он все же не утрачивает способности отличать «мир убеждений» от «мира шалопайства», зрелище которого кажется ему «удручающим» (188). В раздумьях о собственных накопившихся «винах», среди которых «участие в подлоге» и «двоеженстве», его и Глумова начинают «томить предчувствия», что «невидимая сила» толкает их «на дно погибели» (245). Предвидимое и страшащее Рассказчика *мучительное оподление* оказывается критической точкой процесса превращения, сюжет которого движется к пугающей развязке. Героем овладевает тоска, приступы которой, будучи, что не сразу было им понято, «приступами стыда» [Строганов 2003: 83], недаром все учащаются ближе к финалу.

Видение «горохового пальто», заставившее героев бежать не только от угрожающей им опасности, но и от самих себя, так как «пальто» это было *внутри* них, в их собственных *сердцах*, сменяет-

ся видением Стыда, явившегося сначала Глумову во сне, так что он «не успел даже рассмотреть, каков он из себя» (246). Привидевшись в следующий раз ему же, Стыд «даже сказал что-то»; хотя Глумов не запомнил, что именно, но Рассказчик воспринял новое появление Стыда как «предостережение»; очутившись в «водовороте шкурных демонстраций», герои «сами перестали понимать», куда с такой скоростью «погружались» (264). Наконец, и самому Рассказчику является Стыд, встреча с которым так на него подействовала, вынудив вспомнить события, сопровождавшие процесс превращения, что ему «сделалось невыносимо жутко» (272). Вновь затем погрузившись в «лихорадочную деятельность», герои как будто «совсем забыли о Стыде», но он о них «не забыл» (281), заставив почувствовать свое «присутствие» и в окружающей их «обстановке», и в них «самих» (283).

Между тем и Рассказчик, и солидарный с ним в выводах автор в «Заключении», наделенном в романе функцией эпилога, соблюдают предельную осторожность в прогнозировании перспектив возможной победы Стыда, не позволяя строить излишние иллюзии относительно предопределенности и его воздействия, будто захватывающего «далеко», и воспитывающего влияния его изредка прорывающихся призывов, которые «затем все-таки канули в вечность». Потому и сюжет превращения остается принципиально незавершенным, так что самим читателям предстоит *догадываться* о том «выходе», к которому «пришли» герои, пережив «тоску проснувшегося Стыда» (283)[8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ауэр А.П.* Некоторые особенности поэтики М.Е. Салтыкова-Щедрина // Ауэр А.П. Русская литература XIX века. Традиция и поэтика. Коломна, 2008. С. 113–120.
2. *Дмитренко С.Ф.* Щедрин: незнакомый мир знакомых книг. М., 1998.
3. *Жук А.А.* «Современная идиллия» // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. XV–I. М., 1973. С. 300-318.
4. *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964.
5. *Кривонос В.Ш.* «Маска» и «лицо» в «Современной идиллии» (к проблеме характера у М.Е. Салтыкова-Щедрина) // Русская литература 1870–1890 годов. Проблемы характера. Свердловск, 1983. С. 97–111.
6. *Садовская Е.Ю.* Особенности поэтики романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2003.
7. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. Т. 15-1. М.: Художественная литература, 1973.

[8] См. об особенностях трактовки Салтыковым Стыда в его творчестве конца 70-х — начала 80-х годов: [Жук 1973: 311–312].

8. *Строганов М.В.* О сатире Салтыкова и его политической позиции // Щедринский сборник. Вып. 2. Тверь, 2003. С. 77–87.
9. *Строганова Е.Н.* М.Е. Салтыков-Щедрин и античная литература // Культура и текст. 2015. № 4 (22). С. 14–24.
10. *Строганова Е.Н.* Роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»: Диалог с современниками и предшественниками. М., 2017.

REFERENCES

1. Auer A.P. *Nekotorye osobennosti poetiki M.E. Saltykova-Shchedrina* [Some Features of M.E. Saltykov-Shchedrin' Poetics]. In: Auer A.P. Russkaya literatura XIX veka. Tradiciya i poetika [Russian Literature of the 19th Century. Tradition and Poetics]. Kolomna: *KSPI Publ.*, 2008, pp. 113–120. (In Russ.)
2. Dmitrenko S.F. *Shchedrin: neznakomyj mir znakomyh knig* [Shchedrin: the Unfamiliar World of Familiar Books]. Moscow: *Moscow State University Publishing House,* 1998. 96 p. (In Russ.)
3. Zhuk A.A. *"Sovremennaya idilliya"* ["Modern Idyll"]. Saltykov-Shchedrin M.E. Sobranie sochinenij: v 20 t. T. XV–I [Collected Works: in 20 vol. Vol. XV-I]. Moscow: *Hudozhestvennaya literatura Publ.*, 1973, pp. 300–318. (In Russ.)
4. Zajonchkovskij P.A. *Krizis samoderzhaviya na rubezhe* 1870–1880-*h godov* [The Crisis of Autocracy at the Turn of the 1870s and 1880s]. Moscow: *Moscow University Publishing House,* 1964. 512 p. (In Russ.)
5. Krivonos V.Sh. *"Maska i "lico" v "Sovremennoj idillii" (k probleme haraktera u M.E. Saltykova-Shchedrina)* ["Mask" and "Face' in "Modern Idyll" (on the Problem of Character in M.E. Saltykov-Shchedrin)]. Russkaya literatura 1870–1890 godov. Problemy haraktera [Russian literature of the 1870s–1890s. Problems of character]. Sverdlovsk: *Ural State University Publishing House,* 1983, pp. 97–111. (In Russ.)
6. Sadovskaya E.Yu. *Osobennosti poetiki romana M.E. Saltykova-Shchedrina "Sovremennaya idilliya"* [Features of the Poetics of M.E. Saltykov-Shchedrin's Novel "Modern Idyll"]. Ph.D. thesis. Voronezh, 2003. 17 p. (In Russ.)
7. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochinenij v* 20 *t. T. XV–I* [Collected Works: in 20 vol. Vol. XV-I]. Moscow: *Hudozhestvennaya literatura Publ.*, 1973. 383 p. (In Russ.)
8. Stroganov M.V. *O satire Saltykova i ego politicheskoj pozicii* [About Saltykov's Satire and his Political Position]. Shchedrinskij sbornik. Issue 2. Tver: *Tver State University Publ.*; *Golden Letter Publ.,* 2003, pp. 77–87. (In Russ.)
9. Stroganova E.N. *M.E. Saltykov-Shchedrin i antichnaya literatura* [Saltykov-Shchedrin and Ancient Literature]. *Kul'tura i tekst.* 2015. № 4 (22), pp. 14–24. (In Russ.)
10. Stroganova E.N. *Roman M.E. Saltykova-Shchedrina "Sovremennaya idilliya": Dialog s sovremennikami i predshestvennikami* [Saltykov-Shchedrin's Novel "Modern Idyll": Dialogue with Contemporaries and Predecessors]. Moscow: *FLINTA Publ.: Science Publ.,* 2017. 200 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 26.03.2026
Принята к публикации 16.06.2026
Отредактирована 01.08.2026

Received 26.03.2026
Accepted 16.06.2026
Revised 01.08.2026

ОБ АВТОРЕ

Владислав Шаевич Кривонос — д.ф.н., профессор, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета; vkrivonos@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav Sh. Krivonos — Prof. Dr., Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Faculty of Philology, Samara State University of Social Sciences and Education; vkrivonos@gmail.com